

РИСУНКИ К РАССКАЗУ
АЛЕКСАНДРА ИСБАХА
«К ВОПРОСУ О ЛУНЕ»

Художник Ю. Вечерский.

«Поздним вечером, когда радио
выключили и все уже спали, я ре-
шил выйти в коридор» (стр. 3).

«С торжественным видом я вошел в
кабинет. Мигом наступило молчание»
(стр. 5).

«Он спустился в зал, положил руку
мне на плечо. Мы опять стояли рядом,
локоть к локтю, как в юные годы»
(стр. 6).

К ВОПРОСУ

Александр ИСБАХ

ЛУНЕ

Пятого октября тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года я подъезжал к Ангаре. Ехали от Москвы четвертые сутки и, кажется, обо всем уже переговорили с соседями по купе.

Соседи мне попались подходящие: военный врач-хирург, подполковник медицинской службы, и моряк, капитан первого ранга, с женой, полной миловидной женщиной. Каперанг был в штатском; он с таинственным и многозначительным видом сообщил нам, что едет на Сахалин, и перевел разговор на тему о хариусе и омуле, которых он ловил когда-то в Байкальском озере. Впрочем, многозначительные интонации так и не исчезали из его рокошущего баска, даже когда он говорил об особых приемах использования на рыбалке «самодура» или о различных видах «мормышек».

Хирург тоже был заядлым рыбаком, и разговор о «мормышках», блеснах, живцах и мотылях становился все взволнованнее и увлекательнее.

По мере сил и я в нужном месте поддакивал своим собеседникам. Стремясь показать свою «образованность», я рассказал, как совсем недавно карп утащил у меня в озеро наживку вместе с удочкой. Этим рассказом я развеселил всю компанию.

Начались нескончаемые фантастические охотничьи рассказы. Подошло время обеда, и каперанг на какой-то предангарской станции выскочил из вагона, чтобы закупить знаменитых хариусов и раздобыть под оные хариусы «горючего».

Он вернулся без «горючего» и без хариусов, взбудораженный, потрясенный.

— Включите радио! — задыхаясь, крикнул он еще в коридоре.

Мы нажали кнопку и услышали самый конец правительственного сообщения о запуске искусственного спутника в космос. Мы сначала были оглушены и не сумели разобраться в том, что произошло, постичь всю важность этого события.

В коридоре вагона уже толпился народ. Незнакомые люди — военные, штатские, моряки, студенты — обменивались взволнованными репликами. Из репродуктора донесся голос одного из виднейших ученых нашей страны. Все замерло.

Четвертого октября в результате величайшего подвига советских ученых, конструкторов и рабочих над нашей планетой засияла новая маленькая луна.

Дальше шли цифры. Много цифр и названий городов. И точное расписание движения спутника. Более точное, чем расписание следования нашего поезда, висевшее в коридоре...

Москва — 6 часов 50 минут, Бомбей — 7 часов 03 минуты, Париж — 10 часов 06 минут, Рим — 10 часов 09 минут, Чикаго — 16 часов 32 минуты...

...В купе мы несколько минут сидели молча, подавленные величием происшедшего. Капитан первого ранга несколько раз открывал рот, как рыба, видимо, собираясь что-то сказать нам. Потом сурово сдвигал брови и не произносил ни слова. Наконец он бесшабашно махнул рукой, не выдержав искушения, плотно прикрыл дверь, защелкнул задвижку и с таинственным видом пророкотал:

— А я об этом знал еще перед выездом.

— Костик, — укоризненно и встревоженно сказала жена. И Костик огорченно замолчал...

...Конечно, все охотничьи рассказы прекратились. Мы непрерывно слушали радио... Сообщения о движении спутника, научные статьи, речи видных ученых, отклики из-за рубежа... Мы с наслаждением вслушивались в каждую цифру расписания движения спутника и в название каждого города, над которым он пролетал. Мы даже не успели купить омуля на Ангаре, боясь пропустить какую-нибудь важную деталь, сообщаемую по радио. В перерывах между передачами разговоры касались уже науки, самолетов, ракет Циолковского, электронов, расщепления атомного ядра. Залученный в наше купе доцент-математик рисовал на скатерти схему ядерных реакций и набрасывал сложные чертежи баллистических ракет... Мы с хирургом пристально, мучительно и безнадежно стараясь разобраться, вглядывались в чертежи, восхищались достижениями нашей науки и смеялись над Даллесом.

...Поздним вечером, когда радио выключили и все уже спали, я решил выйти в коридор.

За окном плыла бесконечная забайкальская тайга. Раскидистые ветвистые лиственницы, стройные,

уходящие в самое небо сосны, могучие кедры... Небо над тайгой было густо усыпано звездами. Где-то здесь, среди этих мерцающих далеких миров, плыла новая маленькая красноватая звездочка, созданная людьми. Я забыл расписание спутника... Может быть, в эту минуту он пролетает здесь, в забайкальском небе, над нашей головой...

Рискуя навлечь на себя гнев проводников и пассажиров, я нажал кнопку радио. И вздрогнул... Откуда-то издали, из-за тайги, из-за Байкала, я услышал знакомый, родной голос. Я бы узнал этот голос среди тысяч других... По радио передавали выступление друга моей юности Вани Филькова, профессора Ивана Васильевича Филькова, старого большевика, известного ученого-физика. Я недавно получил от него открытку. Он надолго уехал на Дальний Восток в какую-то важную научную экспедицию, связанную с Международным геофизическим годом, жил в Хабаровске и принимал активное участие в работе краевого комитета партии.

«...Советский искусственный спутник Земли показал великую силу человеческого гения. Мысль развивается дальше, и сейчас уже производятся расчеты наивыгоднейших траекторий полетов на Луну и на планеты с минимальной затратой энергии дополнительно к той, которая требуется для отрыва от Земли...»

...Расчеты полетов на Луну... Проводница сурово выключила радио. Я опять подошел к окну. Теперь поезд шел по широкой долине, и потоки лунного света беспрепятственно заливали коридор. Какие волны воспоминаний нахлынули на меня!..

Я стою, полузакрыв глаза, но чувствую свет луны на своем лице.

— Пошли бы спать, товарищ... Устали ведь. Весь вагон спит,— почти ласково говорит проводница.

Но я не могу сегодня спать. Я сейчас далеко от дверей своего купе. Я живу в днях своей юности.

Я открываю глаза, и мне кажется, что круглолицая луна усмехается и подмигивает мне. Неужели же она тоже вспомнила, как я пострадал из-за нее?..

В двадцать первом году произошла моя первая крупная размолвка с верным другом Ваней Фильковым.

Мы избрали Ваню секретарем губернского комитета комсомола. Несмотря на молодость, он пользовался большим авторитетом в организации.

С Ваней я в те дни не разлучался. Работали мы, как взрослые. Дни и ночи. Спали на жестких губкомольских диванах. В губкоме всегда толпилась молодежь. Нам, шестнадцатилетним юнцам, еще незнакомым с бритвой, приходилось организовывать укомы, формировать отряды, агитировать, убеждать, бороться с бандитизмом.

Домой дабежал я раз в три—четыре дня. Нам было не до семьи, мы и о еде вспоминали только, когда голод совсем уж донимал нас. Иногда это бывало в разгар бесконечного ночного заседания. И тут связка ржавой воблы, которую кто-нибудь приносил в перерыве, казалась райской пищей.

Все мы писали заметки, статьи, а иные сочиняли рассказы и даже поэмы. Писали нам ребята из уездов и деревень, с фронта.

Но наши творения не видели света.

Даже «руководящие» статьи Вани Филькова с трудом удавалось напечатать в губернских «Известиях». Мы не раз говорили об этом в губкоме партии.

— Что же,— начинал политпросвет Миша Басма-

нов, только что вернувшийся с фронта,— что же, всякие буржуазные спецы будут в газетах пописывать, а нам своего, молодежного журнала не даете? Бумаги нету? Да мы ее сами, бумагу, из центра выхлопочем. Комсомол требует журнала.

Миша был ярким агитатором и говорил напористо. Но в ответ всегда поднимался губернский редактор Петр Андреевич Громов и возражал Мише сухими, тоскливыми словами.

Спас нас Ванин отец, секретарь губкома, Василий Андреевич Фильков. Мы посвятили его в наши журнальные планы.

— Действуйте,— сказал Василий Андреевич,— поддерживайте.

На ближайшее заседание губкома мы явились нагруженные ворохом стихов, рассказов, статей, рисунков.

— Вот,— сказал Миша,— дайте выход нашему творчеству.

На чем только не было изображено это творчество! На папиросной, прозрачной бумаге, на тетрадных листочках, на кусках картона, на обратной стороне обоев. А одна заметка была даже на куске березовой коры.

Редактор хотел было взять слово. Но выступил Фильков-старший. Блеснул улыбкой из-под русских усов и сделал стратегический ход.

— Я с положением детально ознакомился. Действительно на журнал нет бумаги.

— Вот тебе и защита! — шепнул мне Миша.

— Но я предлагаю, чтобы в губернской газете ежедневно давали страницу для молодежного творчества. Места хватит.

На повестке было много вопросов. И о несобранной продрозверстке, и о бандитизме, и счет фракции губпрофсовета. Не успел Громов возразить, приняли предложение товарища Филькова.

Ушли мы победителями. Редактором молодежной странички был назначен я.

— Смотри там, Сашка,— инструктировал меня Миша-политпросвет,— не подкачай. Первую страницу в Цека пошлем. Пусть посмотрят, как липовский комсомол работает.

Все складывалось как нельзя лучше. С самыми возвышенными чувствами ввалился я в редакцию, добыл себе стол и написал плакат:

РЕДАКТОР СТРАНИЧКИ «ЮНОЕ ТВОРЧЕСТВО»

а потом с независимым видом заглянул в кабинет редактора. Договорились мы, что первая страничка пойдет на днях.

Ночью я не спал. Обдумывал будущую страничку. Прямо надо сказать, мысли приходили заносчивые и тщеславные. Не думал и не гадал я, что именно на литературном фронте, на тернистом пути к славе ожидают меня бои с Ваней Фильковым.

...Иногда, в короткие часы: отдыха, сидя с Ниной Гольдиной на скамеечке, у памятника Песталоцци и глядя в небо на мириады звездных миров, я мечтал вслух. Наши губкомовские будничные дела, наши споры, обед из воблы — все это оставалось далеко позади. Мне было мало Липовска, мало нашей брэнной планеты. Я улетал мечтой в заоблачные миры. Я организовывал комсомол на Луне. Я был поэтом.

Как раз в эту неделю я закончил большую поэму, где описывал полет целой армии земных комсомольцев на Луну, фантастические приключения и борьбу с лунными белогвардейцами.

До сих пор помню потрясающие строчки, завершающие поэму:

Комсомольцы пламенной Европы
Собрались со всех земных концов.
Сброшены в космическую пропасть
Банды болелунных подлецов.

И взлетает в воздух дерзновенно
Песня омоложенной страны.
Молодая гвардия Вселенной,
Молодая гвардия Луны.

Я не знал тогда, что путешествие на Луну уже давно описано Жюлем Верном и Уэллсом. Я ничего не читал о Луне, кроме с детства любимой книги астронома Фламариона. И я считал себя пионером, открывающим дикие, не изведанные еще пространства. (Впрочем, весьма возможно, что и Жюль Верн и Уэллс не стали бы помехой на моем пути. Они были, очевидно, неплохими писателями, но ничего не понимали в комсомольских делах.)

Философия моей поэмы была необычайно туманна, научная достоверность весьма зыбка, а качество стихов сомнительно. Но мне казалось, что это исключительно глубокое, мастерское, необычайно талантливое произведение.

И оно очень нравилось Нине Гольдиной.

...И вот в эту ночь пришла мне в голову гениальная мысль: сделать сюрприз губкому — напечатать поэму в первой же «страничке творчества».

Я вскочил с постели и стал лихорадочно перечитывать свое произведение. Она казалась мне прекрасной, эта поэма. Вот обрадуется губкомол! А потом прочтут поэму в Москве. Конечно, на нее сразу обратит внимание Максим Горький. А Луначарский? Пожалуй, и Луначарский обратит внимание. Меня вызывают в Москву... Дальше... Я уже спал и видел во сне свой собственный триумф...

...Поэма заняла почти всю полосу. Редактор неодобрительно поглядывал на сверстанную страницу, но мне ничего не говорил.

«Завидует, — думал я, — а еще подпольщик!»

Застучала печатная машина. В стопку ложились свежие номера губернских «Известий», и на третьей странице под шапкой: «Юное творчество — страница Губкома РКСМ» — шел заголовок:

«Путешествие на Луну» — поэма.

Я взял номеров десять газеты и побежал домой. Спал я крепко. Под подушкой лежала моя первая напечатанная поэма.

Утром, бодрый и радостный, с газетами под мышкой, я помчался в губком. Из комнаты секретаря доносился шум. Я разобрал слова своей поэмы.

«Эге, читают уже...»

С торжественным видом я вошел в кабинет. Миглом наступило молчание. В кабинете сидели Ваня Фильков, экправ Валя Грекова, политпросвет Миша Басманов, еще человек пять. На столе перед Мишей лежала моя поэма.

— Ну, как, ребята, подходяще? — скромно спросил я.

Молчание начало меня тревожить.

— Ну и сукин же ты сын, Сашка!.. Ну кто бы мог подумать...

Я почувствовал, что дело неладно... И тогда заговорили все. Я давно не слышал такого потока бранных слов.

С трезогой смотрел я на своего друга Ваню Филькова. Наконец Ваня остановил на мне свой тяжелый взгляд и заговорил.

Взвек не забыть мне слов Вани Филькова... Он не кричал, как Миша Басманов. Он говорил тихо и даже скорбно.

— Ты что же подрываешь комсомольский азотритет?... — начал он. — Тут строим, строим. Дело труд-

ное. И о продрозверстке подумай, и в Пирловской волости неладно, и Митю Алексашина, члена укома, бандиты убили. И ребята, отрываясь от борьбы, пишут, можно сказать, кровью пишут и о своих ячеек и о Красной Армии, а ты, редактор, комсомольское творчество под сукно, а сам на всю страницу свою философию о Луне размазываешь. Для этого мы тебя в газету послали? Эх, Сашка, Сашка, не оправдал ты комсомольского доверия...

Все молчали. Я горестно смотрел на плоды своего творчества.

В этот день губком объявил мне выговор и с редакторской работы снял.

А о моем «Путешествии на Луну» еще долго шли разговоры по всей губернии...

Как недавно и как давно это было!.. И как ты сердился, Ваня. «...Земли тебе мало...» А теперь ты производишь расчеты полетов на Луну. Вагон спит. Поезд постукивает на стрелках. Луна по-прежнему заглядывает в окно. А улыбка ее становится совсем озорной и лукавой.

...На первой станции я выскочил на перрон и дал телеграмму в обгон поезда:

«Хабаровск. Крайком Филькову.

Прошу снять выговор за Луну Подробности при встрече».

Поезд уже тронулся, и я едва успел вскочить в последний вагон. Но мне было очень весело, когда я взлезал на свою верхнюю полку. Капитан первого ранга крепко спал. Даже во сне с лица его не сходило загадочное выражение.

В Хабаровске я профессора Филькова уже не стал. Только накануне он выехал в неизвестном направлении. Однако, по всей видимости, телеграмму мою он получил. Судя по станции отправления, он понял, что я где-то неподалеку и не уеду без встречи с ним. Он оставил мне в гостинице записку, сочиненную в старом Ванином стиле:

«Старик! В Хабаровске не буду долго. Разыскивай меня в тайге. Есть о чем поговорить. Вопрос о выговоре разберем в разных. Целую...»

«Разыскивай меня в тайге». Это было оригинально придумано. Хорошо, что я в тот же день узнал в крайкоме, что он в Комсомольске, да и мне необходимо было попасть в город юности. Там собиралась молодежная конференция.

Последний раз в Комсомольске-на-Амуре я был двадцать лет тому назад. Это был как раз знаменитый год хетагуровского призыва. Молодой город был еще весь в строительных лесах. На набережной маршала Блюхера возводились новые дома. Между городом и поселком Дземги еще было огромное необжитое пространство. Совсем рядом, в густой тайге, еще водились медведи. В соседнем нанайском поселке жил старый шаман, весь увешанный ожерельями из костей и зубов. Он изредка выходил из тайги, приближался к месту стройки и пытался запугать юных лесорубов своими горланскими выкриками и сумасшедшими плясками.

Шамана уже никто не боялся. Гораздо более страшными были легионы таежной мошкары. Но город рос с каждым днем. Появились первые дети, рожденные в Комсомольске. А на широкой таежной реке Горюн, впадающей в Амур, был создан замечательный пионерский лагерь.

Мы прожили тогда несколько дней на Горюне. На всю жизнь я запомнил нежные краски ранних дальневосточных зорь и неопишемую красоту солн-

ца, опускавшегося на закате в голубые воды таежного озера.

...А теперь старый шаман давно умер, его костяные ожерелья красовались в музее, в прибрежных рыбацких поселках продавались книги нанайских поэтов, первый родившийся в Комсомольске мальчик давно окончил университет, а хетагуровки стали бабушками.

...Молодежная конференция состоялась в городском Дворце культуры. Это не была парадная, юбилейная конференция. Выступали лесорубы, монтажники, каменщики и плотники. Говорили о своих настоящих делах. О том, что не хватает электропил и что ухудшилось качество цемента, о том, что нужно открыть еще один кинотеатр и доставлять больше фруктов в столовую. Говорили о том, о чем говорят на таких конференциях и в Москве, и в Ростове-на-Дону, и в другом Комсомольске, на Волге. Мне даже немного взгрустнулось. Я не ощущал таежного аромата этого молодого города, аромата тех первых лет, когда на опушку еще выходил шаман. Неужели он так скоро состарился, этот Комсомольск?

Нет. Вокруг меня были задорные, молодые лица. Они живо реагировали на каждую речь, отпускали соленые шуточки, отсекали многословных и излишне цветистых ораторов зубастыми репликами.

Очевидно, та романтика, с которой для меня, для людей моего поколения было связано самое имя Комсомольска, для них вошла в быт, стала буднями. Они не были сентиментальными и чувствительными, эти молодые люди. Им была чужда декламация и поза. Спокойно и уверенно совершали они свои повседневные дела, многие из которых казались мне настоящими подвигами.

И вдруг среди обычных, деловых выступлений на трибуну вышел юноша с черными жесткими волосами, широкими скулами и чуть раскосыми глазами. — Наш нанайский поэт, — мягко улыбаясь, шепнул мне сосед. — Романтик.

Нанайский поэт говорил по-русски. Он рассказал о том, что вчера на заре он плыл по Амуру в лодке, что он смотрел на небо, в котором уже начали гаснуть звезды, и увидел — он готов поклясться, что говорит правду, — увидел стремительно несущуюся маленькую красную звездочку — спутника. И что это было прекрасно. И что он предлагает построить на берегу Амура обсерваторию, и выписать большой телескоп, может быть, из Хабаровска, из Ленинграда, где он учился в Институте народов Севера, или из Москвы, и наблюдать за этим спутником, а потом за другими, которые полетят в небо... И еще он попросил разрешения прочесть свое стихотворение. Он прочел его на нанайском языке и сам перезел на русский. Стихотворение, в котором он поэтически излагал свою мечту, свою просьбу записать его кандидатом для полета в космическое пространство.

Мое «чувствительное» сердце учащенно билось. Я оглянулся вокруг. Никто не смеялся, никто не зубоскалил... Эти простые, будничные паренки сочувственно слушали своего товарища. Слова поэта нравились им, проникали, что называется, в самую глубину души.

После речи поэта в президиуме наступило замешательство. Очевидно, кого-то ждали. Некоторое время никому не предоставляли слова. Уже хотели

объявить перерыв, когда из-за кулис вышел плотный мужчина в высоких, красиво расшитых унтах. Он подошел к трибуне, и... я узнал Ваню Филькова.

Его встретили аплодисментами. Имя его было уже известно в этом крае.

Он, видимо, находился в зале и слышал стихи нанайца. Он как бы отвечал на них, как бы размышлял вслух, разговаривая со слушателями. Его пригласили на конференцию рассказать о спутнике. Но он расширил тему своего выступления. Он говорил и о богатствах Дальнего Востока и о том, какими трудными путями шагает наука. Он говорил и о небе, и о земле, и о сооружении дорог в тайге, и о телескопе на берегу Амура.

То, что он говорил, было интересно и мне и этим молодым ребятам, собравшимся сюда, к Амуру, с разных концов нашей советской земли. Недаром Ваня Фильков был лучшим пропагандистом во всей комсомольской организации нашей губернии.

Он уже заканчивал свою речь...

И вдруг... увидел меня... Взгляд его скрестился с моим. И он заразительно рассмеялся неожиданно для слушателей. И они тоже рассмеялись, не зная еще, чему смеется оратор. А потом он вытащил из кармана мою телеграмму, и рассказал всю историю с путешествием на Луну и с выговором, и как бы перенес все собрание на тридцать шесть лет назад, к истокам нашей комсомольской юности.

Тридцать шесть лет... Целая жизнь.

И молодые строители, лесорубы и каменщики, монтажники и штукатуры стали приподниматься со своих мест, чтобы посмотреть на грузноватого мужчину, совсем застенчиво потирающего свой лоб, покрывшийся испариной.

— Ну как, друзья, — спросил профессор Фильков, — снимем мы с него этот выговор?

Все зашумели, засмеялись. Послышались отдельные хлопки.

Председатель растерялся и не знал, как дальше вести собрание.

— Снять... Снять!.. — закричали в разных местах.

Но профессор Фильков беспощадно посмотрел на меня, поднял руку, успокоил собрание и сказал:

— Снять выговор — дело нехитрое. Только сделать мы это сейчас уже не вправе. Так сказать, не полномочены. Предлагаю: пусть напишет обо всем этом рассказ и представит на суд читателей. И пусть, всесторонне учтя обстановку, решают беспристрастные читатели — снять ли тот старый выговор за Луну или оставить в назидание автору.

Я молчал. Если бы я сам не был участником столь необычного собрания, я не поверил бы, что оно действительно состоялось...

Предложение Филькова было принято единогласно. Нет, вру: при одном против и одном воздержавшемся.

Воздержался, конечно, я. А против был нанайский поэт, требовавший снять выговор немедленно.

А потом Фильков предложил спеть «Молодую гвардию». Он спустился в зал, положил руку мне на плечо. Мы опять стояли рядом, локоть к локтю, как в юные годы. И мы запели.

Профессор Фильков дирижировал.

А в широкие окна Дворца культуры смотрела наша старая знакомая, лукавая полнолицая луна.

